

**Ольга Игоревна Елисеева,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории
и исторического архивоведения Московского
государственного института культуры**

**А.В. Суворов как русский государственный деятель и победитель
смут**

Бывают такие исторические герои, имена которых известны нам с детства, и, благодаря тысячекратному повторению, они не просто затираются, теряют свой блеск. Нет. Блеска и славы достаточно. Вспомним хотя бы надпись на могиле Александра Васильевича: «Здесь лежит Суворов». Коротко и ясно. Внятно любому — и другу, и врагу. Когда дочь Суворова покидала в 1812 году свое имение, ее остановил французский отряд, но достаточно было назваться, чтобы лейтенант взял на караул и приказал пропустить карету.

Однако слава иногда играет с живыми людьми злые шутки: они теряют человеческую многомерность. Из памяти потомков уходят их повседневные качества. Исчезает мотивация к поступкам, остается голая функция, например, великий полководец, не проиграл ни одного сражения, а сам побеждал любого врага России. А почему побеждал? Почему не проиграл? Таким талантливый «драчуном» уродился?

В XVIII веке, да и во всю предшествующую эпоху, считали, что Бог дает победы. Искренне, с какой-то детской наивностью поздравляли друг друга по поводу новой удачи, удивляясь, что Господь до сих пор не покинул. Суворов с детства был очень верующим человеком, об этом мало кто знает. Постоянно читал святоотеческую литературу, написанную далеко не самым простым, с точки зрения современного человека, языком, отчего и его письма приобретали сложное звучание и требуют многостраничных комментариев.

Кроме того, был он замкнут, никому не открывая сердца. Ревнив к чужим успехам, поскольку его часто обходили по службе. В те времена считалось нормой получать награды и звания по старшинству, т. е. все, прежде вас поступившие на службу, должны и раньше вас обрести орден, подняться по карьерной лестнице вверх. Талантливому, усердному человеку в таких рамках тесно, но он вынужден молчать, скрывая свое истинное отношение. Молчал и Суворов. Но когда, наконец, выслужил фельдмаршальское звание, поставил в ряд несколько стульев и начал скакать через них, называя имена тех обойденных сослуживцев: «И тебя я обошел, и тебя я обошел!» Однако не забудем: были времена, когда и через его голову перешагивали.

С учетом рассказанного случая становится понятно, что поведение Суворова в обществе подчас носило характер откровенного юродства — в средневековом, а не в сниженном понимании слова, конечно. Видимо, он, как и юродивые, знал, что внешний мир перевернут и считал своим долгом это время от времени показывать окружающим. Трудный характер, не правда ли? Особенно для светского человека, в мире, где от умения двигаться по скользкому придворному паркету зависит больше, чем от реальных дел.

Однако Суворов вел себя так, точно считал: именно с ним надо считаться, к нему приспосабливаться, а он сам ни под кого гнуться не будет. На его счастье, и Екатерина II, и князь Г. А. Потемкин, тоже очень верующий человек, понимавший поведенческий код Суворова, готовы были подстраиваться под Александра Васильевича — уж слишком талантлив. Но служил-то наш герой и при Елизавете Петровне, и при Павле I, а те подобным пониманием не отличались.

Итак, перед нами юродивый, которому выпала судьба стать самым известным, самым великим русским полководцем. Уже этот факт сам по себе многое говорит о нашей культуре и о нас как о народе. «Мы не свои, мы Божьи», как в древнерусском боевом речитативе.

Из этого вытекает и особое понимание собственной миссии — любой хаос, любое проявление беснования должно быть побеждено. Мир и порядок на Руси всегда связывались с сильной государственной властью, поскольку эта власть являлась христианской. Всякий, кто подтачивает Русское царство извне — турки, шведы, поляки — или изнутри — восставшие во времена Пугачевщины — грозят не просто государству, они грозят Божьему миру. Исходя из этого представления и следует оценивать действия Александра Васильевича на протяжении всей жизни.

Он родился в 1730 г. в Москве в семье офицера гвардии В. И. Суворова. Когда сыну исполнилось семь лет, его отец пришел к выводу, что в полк ребенка записывать нельзя из-за слабого здоровья. Однако в те времена единственный путь к карьере для дворянина лежал через службу. Службу же мыслили исключительно как военное ремесло. Напомню: боевые столкновения шли постоянной чередой: отсиживаться за чужими спинами для представителя благородного сословия было не просто не принято, а общественно порицаемо. Поэтому мальчик стал сам закалять себя — каждое утро обливаться колодезной водой и в любую погоду скакать верхом.

Общеизвестна история с приездом к В. И. Суворову его старого сослуживца, крестника Петра Великого — Авраама Петровича Ганнибала. Но, опять же, мало кто знает, что Саша залез на дерево, чтобы издали увидеть гостя, и рухнул к его ногам, весь исцарапанный, в порванной одежде. Тогда и прозвучали знаменитые слова темнокожего ветерана: «Записывай сына в гвардию».

В 1747 г. молодой Суворов стал солдатом Семеновского полка. До войны с Пруссией его карьера шла не особенно бойко. А вот отец дослужился до генерала, оказал важные услуги при вступлении на престол Екатерины II, чем и объясняется ее благосклонное внимание к сыну и его дальнейшее движение по карьерной лестнице. Императрица считала Василия Ивановича, кстати, побывавшего комендантом захваченного русскими

войсками Берлина, исключительно честным человеком. «Я бы хотела ему во всем довериться, если бы не его суровость», — писала она в 1764 г.

Сын же тем временем занимался с рекрутами, и его отношение к ним никак нельзя назвать «суровым». Напротив, он намеревался сделать из вчерашних крепостных крестьян «чудо-богатырей». Еще в 1762 г. Александр Васильевич был произведен в полковники и назначен командиром Суздальского пехотного полка. Отменил телесные наказания, сократил хождение строем, а освободившееся время посвятил обучению навыкам боя, штурму крепостных сооружений, беглой стрельбе. Он написал специальное пособие для солдат «Полковое учреждение». Впоследствии оно легло в основу знаменитой «Науки побеждать».

В 1769 — 1773 гг. Суворов служил в Польше, где ему впервые довелось столкнуться с т. н. «конфедератами». Тогда еще польские земли не входили в состав Российской империи. Конфедераты воевали против своего короля, но грозили в случае успеха ударить России, воевавшей с Турцией, в бок.

В 1764 г. на польский престол был избран ставленник России Станислав Понятовский, после чего русское правительство возбудило вопрос о предоставлении православному населению Речи Посполитой равных прав с католиками». Польское католическое дворянство владело тысячами душ украинских крестьян, православных по вероисповеданию. На Украине не затихали волнения православного населения, порой принимавшие кровавые формы. В качестве решения данной проблемы Петербург предложил предоставить так называемым «диссидентам», то есть иноверцам, равные права с католиками. Если бы новый король пошел на это, то собственно польское и собственно католическое население Речи Посполитой оказалось бы в меньшинстве перед лицом моря православных украинцев.

Понимая это, Станислав Август медлил с решением, а в письмах к Екатерине II пытался убедить ее, что «свобода» и «равноправие» несовместимы. «Природа свободной страны, такой, как наша, — писал он 5 октября 1766 г., — несовместима с допущением к законодательству тех, кто

не исповедует господствующую религию... Молния — в ваших руках. Обрушите ли вы ее на ни в чем не повинную голову?»

Екатерина II «обрушила молнию». Она не только приказала действовать русским войскам, расквартированным в Польше, но и ввела туда дополнительные части. В ответ противники России собрали в городе Барре конфедерацию из шляхты, не желавшей предоставления равноправия православным. Ее-то отряды и были рассеяны русскими войсками под командованием Суворова.

Однако положение оставалось опасным. Преобладанием русского влияния в Польше не могли быть довольны соседние державы Австрия и Пруссия, рассчитывавшие на свой «кусочек пирога». Тем более была раздражена Франция, старая союзница и покровительница Речи Посполитой. С избранием Понятовского ее «инфлюенции» был нанесен сильный удар, а с началом боевых действий Суворова против конфедератов она и вовсе потеряла влияние на польские дела.

На карикатуре, посвященной первому разделу Польши, изображены четыре монарха. Екатерина II и Фридрих II держат карту, как бы беседуя и указывая на куски, которые им нравятся. А Мария-Терезия и ее сын Иосиф II, стыдливо отвернувшись от соучастников, тоже тычут пальцами в западные районы Речи Посполитой. Мария-Терезия так темпераментно отстаивала права польских католиков, что заслужила прозвище «Святой Терезии».

Тем не менее, именно Австрия начала раздел. Когда Суворов взял штурмом Краковский замок — последний оплот конфедератов — Вена ввела войска в Галицию. Фридрих II советовал австрийцам: «Велите посмотреть в ваших архивах, не найдутся ли там кое-какие притязания на то или другое польское воеводство... Нужно воспользоваться случаем: я возьму свою долю, Россия свою». Договор был заключен 5 августа 1772 г. Австрия удержала те земли, на которые вошла. Пруссия получила Померанию, Россия — восточную часть Белоруссии до Минска и часть Ливонии. Фактически

первый раздел Речи Посполитой был обеспечен действиями русских войск под командованием Суворова.

В 1773 г. Александр Васильевич был переведен на Дунай для участия в войне против турок. Первыми его успехами стали взятие крепости Туртукай в 1773 г. и разгром 40-тысячного турецкого корпуса у деревни Козлуджи в 1774 г.

Вскоре после этого Суворову поручили окончательно подавить Пугачевское восстание. Он действовал под общим руководством нового командующего правительственных войск генерала Петра Ивановича Панина — брата воспитателя наследника Павла и главы Коллегии Иностранных дел Никиты Ивановича Панина. Обоим братьям императрица не доверяла, поскольку они добивались ее изоляции и возведения на престол своего ставленника, ее сына.

Многое зависело от того, насколько деятельными и талантливыми окажутся помощники Петра Панина. Некоторые из них способны были затмить его своими военными заслугами. Потемкин рекомендовал императрице направить под начало нового командующего своего знакомого по русско-турецкой войне Суворова. 16 августа Екатерина сообщила фавориту о назначении генерал-поручика Суворова в армию к Панину. Сам Суворов получил назначение 19 августа, а уже через пять дней добрался из Молдавии до Шацка, чем немало потряс своих начальников. Граф Панин 25 августа писал императрице: «Вчера поутру прискакал ко мне генерал-поручик и кавалер Суворов в одном только кафтане, на открытой почтовой телеге, и по представлению моему в тот же момент и таким же образом поскакал с моим предписанием для принятия главной команды над самыми передовыми корпусами».

Суворову приходилось добираться к своим войскам через земли, охваченные восстанием, и позднее он писал, что иногда «вынужден был всклепывать на себя имя злодейское», чтобы миновать верные восставшим

населенные пункты. То есть назваться пособником Пугачева, лишь бы проскочить мимо его отрядов.

В конце августа Пугачев потерпел сокрушительное поражение от отряда подполковника И. И. Михельсона в 105 верстах ниже Царицына. Из 14—15 тыс. повстанцев спаслось около тысячи человек. Настигнутые при переправе через Волгу у Черного Яра, остатки пугачевцев были рассеяны, за Волгу ушли полторы сотни казаков во главе с Самозванцем. Прибыв в Царицын, Суворов забрал у Михельсона его авангард и бросил его в погоню за Пугачевым.

Как раз в это время Потемкин «отправлял на почтовых противу злодея полки и команды. Дабы пресечь ему средства распространить пагубные его обольщения в донских станицах, он нарядил и отправил против него с Дону войска 10 полков, чем и лишил его надежды на подкрепление с той стороны». Как и следовало ожидать, повстанцы не выдержали удара регулярных войск и побежали.

Находясь под руководством Панина, Суворов попал в крайне щекотливую ситуацию. Ему следовало и уничтожить отряды восставших, и не соединять своего усердия с именем Панина, не сближаться с ним. Неудивительно, что человек не придворный, прямой и честный, он выполнил долг, но совершил непростительные с точки зрения интриганов промашки, которые и обернулись против него.

На охваченных мятежом землях Петр Панин, имея в руках огромную воинскую силу, почувствовал себя полным господином. Обе столицы были далеко, вокруг бушевало кровавое море крестьянской войны, и Панин не стал смущаться в выборе методов для подавления бунтовщиков. При предшествующих командующих А.И. Бибикове и Ф.Ф. Щербатове край не видел ничего подобного от представителя правительственной власти. Террор охватил очищенные от повстанцев земли, для устрашения волнующихся крестьян Панин приказал казнить мятежников прямо на месте поимки, без

суда и следствия. Именно тогда вниз по рекам поплыли плоты с колесованными и подвешенными за ребра пугачевцами.

Однако и на Волге власть главнокомандующего оказалась не безграничной. Противодействовать ему отважился двоюродный брат Г. А. Потемкина — Павел Сергеевич Потемкин, руководивший Казанской следственной комиссией и переживший с населением в казанской крепости страшные дни, когда Пугачев сжег город, а захваченных горожан расстрелял на поле из пушек. Между Паниным и Потемкиным разгорелась настоящая борьба из-за подследственных. Петр Иванович, осуществлявший первичное следствие в военных канцеляриях, старался как можно больше людей удержать у себя и сам вести допросы. Если в следственных комиссиях Павла Сергеевича с рядовых повстанцев снимали показания, наказывали кнутом и отправляли к месту жительства, то несчастные, прошедшие через панинский сыск, уже никому не могли ничего рассказать.

Павел Сергеевич из Казани не раз жаловался Екатерине и своему брату на действия Панина. Пугачев был арестован 9 сентября своими сообщниками, которые передали «злодея» именно Суворову. 18 сентября Суворов выступил из Яицкого городка во главе отряда, конвоировавшего Пугачева, намереваясь самостоятельно доставить «трофей» в Москву. Таким пленником не стоило делиться ни с одним из следователей, если Суворов хотел получить высокие отличия и награды. Однако Петр Панин не собирался уступать подчиненному славу «спасителя отечества» и орденом за своей подписью заставил его свернуть в Симбирск. Там 2 октября Суворову пришлось сдать пленника Панину. Командующий от имени императрицы публично поблагодарил «обобранного» им военачальника за службу. Наблюдавший эту сцену генерал-майор Павел Потемкин в самых желчных тонах описал в письме императрице «теплый» прием, оказанный Суворову Паниным. Худшей характеристики в глазах Екатерины и быть не могло.

Ее ироничный отзыв в записке Потемкину уничтожал всю заслугу Суворова в поимке «злодея»: «Голубчик, Павел прав: Суворов тут участия

более не имел как Томас (комнатная собачка императрицы — *О.Е.*), а приехал по окончании драк и по поимке злодея; я надеюсь, что все распри и недовольствия Павла кончатся, как получить мое приказание ехать к Москве». Так Александр Васильевич, действительно много сделавший для «утишения бунта», пал жертвой «распрей» в руководстве правительственных войск.

Дальнейшая служба Суворова была связана с югом России, где в этот момент строились новые города и создавался Черноморский флот. Одновременно в Крымском ханстве, которое отделилось от Османской Порты, попеременно одерживали верх то «русская», то «турецкая» партии среди вельмож. Чтобы помочь своим выдвиженцам, турки направили к берегам Крыма свой флот.

Только очень быстрые действия могли спасти положение. Князь А. А. Прозоровский со своим корпусом занял Перекоп, а сменивший его А. В. Суворов, присланный в Крым по приказу Потемкина, одним маневром конницы рассеял про-турецких сторонников хана Давлет-Гирея. Русские войска Суворова встретили в Карасубазаре будущего хана Шагин-Гирея, который 29 марта был избран бахчисарайским диваном (советом вельмож) на престол. «Курьер от Прозоровского приехал. Хан выбран», — писала Екатерина Потемкину в начале апреля 1777 г. Турецкий флот потерял официальный повод для высадки своих десантов, так как новый хан провозгласил себя союзником России, а русские войска под командованием Суворова приобрели законные основания для присутствия в Крыму.

Летом 1787 г. началась Вторая Русско-турецкая война. Давно миновали те времена, когда иностранцев принимали на русскую службу чином выше, чем был на родине, и платили против местных офицеров вдвое больше. При Екатерине II, особенно в армии на юге, где руководил Потемкин, волонтеров старались избегать и везде, где можно, ставить соотечественников. «Должны быть русские в сей части командиры», — писал светлейший князь. Если бы

не настойчивость Потемкина, то Суворов оказался бы задвинут менее талантливыми, но раньше поступившими на службу генералами.

Особенно ярко этот конфликт вскрылся во время столкновения на Кинбурнской косе, где стоял корпус Суворова. Турки попытались отрезать Крым от материка и взять его в блокаду: 1 октября противник высадил на Кинбурнскую косу 5 тысяч янычар под командованием французских офицеров. Бой был труден и кровопролитен, он продолжался, как явствует из рапорта А. В. Суворова, с трех часов дня до полуночи¹. Против турок сражались 4 тысячи солдат, в подавляющем большинстве рекрут — новобранцев. Им удалось вырвать у неприятеля победу.

15 октября в Петербурге Екатерина получила известие о первой виктории и была им несказанно воодушевлена. «Надлежит сказать правду, вот человек, который служит и потом, и кровью, — писал Потемкин о Суворове еще до операции на Кинбурнской косе. — Я обрадуюсь случаю, где Бог подаст мне его рекомендовать»². После победы императрица просила князя помочь ей избежать щекотливой ситуации, в которую она могла попасть при выборе награды для Александра Васильевича. «Пришло мне было на ум, не послать ли к Суворову ленту андреевскую, но тут паки консидация та, что старше его князь Юрий Долгорукий, Каменский, Миллер и другие не имеют Егорья большого... Итак никак не могу ни на что решиться и... прошу твоего дружеского совета»³. Императрица рассчитывала пожаловать Суворову «либо деньги, тысяч десяток, либо вещь», чтобы не нарушать старшинства в продвижении кандидатов к наградам и не вызывать ропот среди обойденных.

Потемкин ответил сразу: «Кто, матушка, может иметь такую львиную храбрость? Генерал-аншеф, получивший все отличности, какие получить можно, на шестидесятом году служит с такой горячностью, как двадцатипятилетний, которому еще надобно сделать свою репутацию... Я ожидаю от правосудия Вашего наградить сего достойного и почтенного старика. Кто больше его заслужил отличность? Я не хочу делать сравнения,

дабы исчислением имен не унижить достоинство св. Андрея. Сколько таких, в ком нет веры, ни верности, и сколько таких, в коих ни службы, ни храбрости? Награждение орденом достойнейшего — ордену честь. Я начинаю с себя, отдайте ему мой»⁴.

Прочитав такие слова, Екатерина не могла не уступить: «Я, видя из твоих писем подробно службу Александра Васильевича Суворова, решилась к нему послать за веру и верность св. Андрея»⁵. «За Богом молитва, а за Государем служба не пропадает, — обращался к Суворову командующий. — Поздравляю Вас, мой друг сердечный, в числе андреевских кавалеров»⁶. Кинбурнский герой со свойственной ему непосредственностью, пришел почти в детский восторг: «Вы то могли один сотворить... Жертвую Вам жизнью моею»⁷.

Успех под Кинбурном очень ободрил Екатерину и даже заставил вспомнить о давних планах касательно Константинополя. «Предоставьте только дела их естественному ходу, и все пойдет хорошо, — писала она Гримму. — Есть чему удивляться, что я в точности исполнила то, что замышляла еще год назад. Ну, так что же? Если меня рассердят, я задумаю и исполню в назначенный срок и день в день вступление для балета!» Однако, добавляла в конце письма императрица «еще не пришла пора»⁸.

Александр Васильевич всегда восхищался чужой храбростью. «Какие же молодцы! — писал он о янычарах светлейшему князю. — Летят все на холодное оружие. Я с такими еще ни дировался». Янычары считались мастерами ближнего боя, без страха относились к рукопашной с применением кинжалов и сабель. Не отсюда ли убеждение Суворова, что «пуля — дура, штык — молодец»?

Янычар набирали еще мальчиками в покоренных южнославянских деревнях, обращали в ислам и воспитывали из них профессиональных воинов. Отличительной особенностью славянских и романских народов являлась способность к ближнему бою. В отличие от англо-саксонских, предпочитавших перестрелку. (Штык, например, был придуман испанцами,

вставившими во время одного из столкновений кинжалы в стволы ружей). На Востоке именно холодное оружие решало исход схватки. Позднее Суворов будет тренировать своих рекрут ходить в штыковую атаку по образцу перенятой у турок атаки Юринь.

При Кинбурне Суворов стремительно контратаковал. В тяжелом и кровопролитном бою турецкий десант был уничтожен. Но это далось русской стороне очень тяжело, поскольку против тренированных профессиональных воинов сражались рекруты, вчерашние крестьяне, которых Суворов едва начал обучать. Он жаловался в письмах к Потемкину, что они не слушались ни барабана, ни его приказов, «наступали кучей». Но все же именно эти люди победили. Что тому причиной? И Суворов, и светлейший князь — оба считали, что «помощь Божья», если бы не она, то русские были бы сметены в море.

При этом самым неудачным образом проявил себя командовавший в тот момент русским флотом Н. С. Мордвинов. Он получил образование в Англии и свято чтит правила Британского Адмиралтейства. Увольняя его, Потемкин писал, что у нас «и шило бреет». Рекруты Суворова победили сильно превосходившего их противника, потому что у них «шило брило». А Мордвинов дважды пропустил мимо себя неприятеля, полагая, что тот слишком силен, чтобы русская сторона могла с успехом вмешаться в бой на косе. Недаром Суворов, сначала уповавший на него, стал скептически отзываться, де Николай Семенович «воюет с ветряными мельницами». Полководец имел право на издевку, ведь он не получил подкрепления.

Потемкин после этих событий снял Мордвинова с должности, назначив вместо него Ф. Ф. Ушакова. Мордвинов вернулся в Адмиралтейское Правление в Петербурге, которое Суворов прозвал «Академией» за педантичное следование инструкциям.

Следующим успехом русских войск в 1788 г. стало взятие самого Очакова. После взятия главной черноморской твердыни Порты русские войска буквально обрушились на Молдавию и Валахию. Армия, основной

костяк которой был вышколен под Очаковым, уже не страшилась никаких препятствий. Турки, не считавшие наших союзников австрийцев серьезной преградой на своем пути, попытались в июле 1789 г. выйти в тыл главных сил Потемкина, уничтожив примыкавший к правому флангу русской армии австрийский корпус принца Фридриха Иосии Саксен-Кобург Заальфельда. Однако командующий, предвидя такой оборот, далеко выдвинул вперед летучий корпус Суворова. Александр Васильевич стремительно двинулся на соединение с австрийцами, преодолев 60 км за 28 часов, атаковал турок у деревни Фокшаны и, потеряв всего 400 человек, отеснил турецкую армию.

Именно Суворов понудил Кобурга принять бой с превосходящими силами противника⁹. 29 июля Потемкин известил императрицу о победе при Фокшанах¹⁰. Императрицу особенно обрадовало то обстоятельство, что в фокшанском деле союзники сражались вместе. «Это зажмет рот тем, кто развеивали, что мы с ними не в согласии»¹¹, — с удовольствием заметила она.

Следующей победой стал разгром 100-тысячной турецкой армии на реке Рымник. За это сражение, в котором австрийцы и русские потеряли около 500 воинов, а турки 15 тысяч человек, Суворов был представлен к званию фельдмаршала Австрийской империи. Вновь встал вопрос о наградах Александра Васильевича, и вновь Потемкин фактически выпрашивал их, поскольку императрица, по ее собственным словам, не любила «оказывать милости, от которых у многих вытягиваются лица». Сначала она, по просьбе Потемкина, пожаловала победителю графский титул с прибавлением к фамилии «Рымникский». В письме 2 октября Григорий Александрович убеждает Екатерину: «Если бы не Суворов, то бы цесарцы (австрийцы — *О. Е.*) были наполовину разбиты. Турки побиты русским именем, цесарцы же бежали, потеряв пушки, но Суворов поспел и спас. Вот уже в другой раз их выручает, а спасибо мало, но требуют, чтоб я Суворова с корпусов совсем к ним присоединил. Нашим успехам не весьма радуются, а хотят нашею кровью доставать земли, а мы, чтоб пользовались воздухом... Матушка

родная, будьте милостивы к Александру Васильевичу. Храбрость его превосходит вероятность, разбить визиря — дело знатное»¹². Императрица по достоинству оценила заслуги Суворова, наградив его «кавалерией Егорья большого креста».

Осень 1789 г. была щедрой на победы. 10 сентября Репнин разбил турецкие войска на реке Салче. 14 сентября гребная флотилия под командованием Иосифа Де Рибаса взяла Гаджибейский замок, располагавшийся на месте будущей Одессы. 2 октября Потемкин известил Екатерину о захвате казаками полковника М. И. Платова городов Паланки и Аккермана и получении ключей от Белграда-на-Днестре¹³. 3 ноября на милость победителей сдались Бендеры, их жителям была гарантирована свобода¹⁴.

Тем временем Австрия, к которой был буквально привязан корпус Суворова, находилась в стесненном международном положении. Летом Вена начала переговоры с Пруссией в городе Рейхенбахе в Силезии. Потемкин сразу понял, куда они клонятся. «Король венгерский трактует с королем прусским. Боюсь, чтоб они не оставили нас одних в игре, ибо ничего сюда не сообщают»¹⁵, — писал он Екатерине 5 июля. «Союзники наши, как я прежде доносил, при всяких для них удобных случаях искали мир делать особо, а в несчастных обстоятельствах жались к нам и настаивали, чтоб мы делали все за одно... На случай, если с австрийцами особо турки помирятся, следует уже нам сократить линию локального театра, тогда прижаться к своим границам, которые я почитаю между Буга и Днестра, препятствовать соединению с поляками, для того главные силы расположить по их границе. Такой план и теперь был бы для нас выгоднейший»¹⁶.

Потемкин беспокоился именно за Суворова, чей корпус был выдвинут к Бухаресту в помощь австрийцам. Если бы войска Кобурга были отведены, Суворов остался бы отрезанным от основных сил русской армии. Именно об этом писал командующий, упоминая возможную потерю «тысяч русских душ». Через своих резидентов Потемкин узнал о выходе Австрии из войны

еще 30 июля и приказал Суворову отодвинуться с войсками на север¹⁷. Когда же результаты соглашения стали общеизвестны, корпус Суворова уже находился за рекой Серет¹⁸.

Уступив давлению прусских и английских дипломатов, Австрия вышла из войны с Портой. Реальным ответом на такое решение могла стать только весомая военная победа русских. Поэтому командующий, всегда щепетильный в вопросах захвата крепостей с наименьшим уроном для армии, дал решительное согласие на предложенный Суворовым штурм наиболее сильной турецкой крепости в устье Дуная — Измаила¹⁹.

3 декабря светлейший князь сообщил императрице о посылке Суворова с корпусом к крепости²⁰. 11 декабря в результате 8-часового кровопролитного штурма Измаил пал. Потери турецкой стороны были громадны — 26 тыс. человек. Русская армия лишилась 10 тыс. человек убитыми и ранеными, в том числе 400 офицеров из 650 участвовавших в штурме.

Известие о падении Измаила достигло Петербурга 29 декабря 1790 г. рано утром и было встречено с ликованием. Действия Суворова проложили для его правительства дорогу к мирным переговорам. Создается впечатление, что Александр Васильевич был для императрицы своего рода волшебной палочкой, посредством которой военный хаос приводили в гармонию и порядок.

В Финляндии формировался новый корпус, командующим которого назначили измаильского героя Суворова. Однако в Финляндии герой пробыл недолго и вернулся на юг, где его ждали не столько военные дела, сколько хлопоты по устройству главного черноморского порта империи, которым, благодаря хлопотам Осипа Де Рибаса, становился не Херсон, а Одесса.

На одесский порт, который сначала рассматривался как крошечная гавань с постройками на сумму не более 26 тысяч рублей, было в конце концов отпущено почти два миллиона, что включало и привлечение колонистов, и дома для них... Общий надзор Екатерина II возложила на

Суворова, но тот вынужден был отправиться в Польшу, воевать с новыми конфедератами. Более двух лет де Рибас один распоряжался колоссальной суммой. Когда в 1796 г. Александр Васильевич увидел результаты трудов, он навсегда прекратил с Осипом Михайловичем знакомство: смертность среди солдат составляла четверть от общего состава, свирепствовали болезни, местные чиновники молчали. «Осип Михайлович не один раз меня предал»²¹, — ужасался честный старик.

Именно к этим событиям относится анекдот о том, что Суворов, не имея сам возможности приглядеть за каким-то делом, поручил его подчиненному генералу, тот полковнику, и так ниже по команде. Суворов вернулся, дело не сделано. Он попытался спрашивать с тех, кому передал надзор. Они кивали друг на друга. Тогда Суворов взял хлыст и стал бить себя по сапогам: «Самому надо было ходить, самому надо было ходить!»

Зато совсем иного — честного и деловитого помощника Суворов обрел в лице инженера Франца Павловича Де Волана, который поступил в распоряжение Суворова в Экспедицию по строительству крепостей. В июне 1793 г. 12 тыс. солдат начали работы на Днестре, в Крыму и на Тамани — в 14 точках будущих укрепленных поселений. Суворов перевел из Херсона в Одессу свой полевой штаб и канцелярию Экспедиции, что было знаковым шагом — Суворов подчеркивал, что место для главной гавани выбрано.

Тем не менее, у вспыльчивого подозрительного Александра Васильевича сразу возникли с де Воланом разногласия. Суворов назвал его проекты «хорошими, но драгоценными», т. е. дорогими. «Лес здесь против Финляндии вдесятеро, — жаловался он. — К прочим местам материалы и припасы не успевают». А Франц Павлович отказывался строить на скорую руку, вчерне и подешевле. «Деволан скушен и грозен, — продолжал Александр Васильевич, — избалован и три раза уже апшит брал», т. е. пытался попросить отставки, «а мне» некогда «об их капризах думать»²².

Однажды во время спора де Волан швырнул на стол расчеты и выскочил в окно. Суворов за ним. Они помирились и вернулись в дом, держась за

руки²³. Вскоре выяснилось, что Франц Павлович способен и в Петербурге пособить, и добыть денег, он — «добрый человек, прочее в руке Божьей».

Уже к весне была возведена крепость Суворовская, которая, по мысли де Волана, поднялась на южном фланге порта и города. На месте будущего Приморского бульвара намечался артиллерийский форт. Крепость занимала 18 гектаров, ее охватывали древо-земляные стены с периметром 1 600 метров. Внутри имелись склады, казармы, часовня, на огневых позициях стояли 120 пушек. Старый замок Гаджибей покрывал площадь в 120 соток, с периметром стен 180 метров и 12 орудиями малого калибра²⁴. Если бы Суворов не забрал Франца Павловича с собой в польский поход в качестве квартирмейстера, то за де Рибасом имелся бы лишний глаз на строительстве.

Только в августе де Волана отозвали из армии Суворова, и он снова приступил к работам в Одесском порту. Причиной послужил нелестный отзыв инженера. Суворов писал де Рибасу: «Увы мне с любовью моей к отечеству — интриги препятствуют мне ее выказать. Де Волан нападает на меня в одном рапорте, который я после прочел с сердцем. За подарок сей надерите ему хорошенько уши»²⁵. Что именно писал де Волан еще до начала похода, мы не знаем. Возможно, он провоцировал конфликт, чтобы вернуться на юг — место квартирмейстера, хоть и прибыльное (Суворов говорил: «Полгода интендантства, и можно расстреливать без суда»), не вызывало у него интереса.

К концу царствования Екатерины II Суворов занимал настолько весомое положение, что без его ведома и согласия уже не могло состояться одно из важнейших решений в жизни империи — переход власти от одного монарха к другому. О намерении императрицы передать престол внуку в обход сына Павла Петровича иностранные дипломаты начинают доносить уже с 1782 г.²⁶ Второй всплеск подобных слухов возник весной — летом 1791 г., когда Екатерина стала часто призывать к себе Александра Павловича для беседы о государственных делах, которые становились лишь частично известны Павлу

Петровичу одновременно с «публикой»²⁷. 1 сентября в письме к Гримму императрица, касаясь положения дел во Франции, неожиданно проговаривается: «Если революция охватит всю Европу, тогда явится опять Чингиз или Тамерлан, но этого не будет ни в мое царствование, ни, надеюсь, в царствование Александра»²⁸. Эти слова показывают, что Екатерина не предполагала промежутка между своим правлением и правлением внука.

Возможно, именно тогда были составлены загадочные документы, передающие право на престол Александру и отданные Павлу, по легенде, А. А. Безбородко, на хранении у которого они якобы находились²⁹. Их скрепляли подписи крупнейших государственных деятелей, в том числе и А. В. Суворова. Тем не менее, когда императрица скончалась и на престол вступал Павел I, Суворов не пошевелился. Его офицеры предлагали ему двинуть войска на Петербург, на что он отвечал характерной фразой: «Т-сс, кровь соотчичей!». То есть нельзя допускать гражданской войны. Ужасы, виденные им в период Пугачевщины, навсегда остались в памяти и в сердце.

Международная ситуация менялась опасно и быстро. В Польше, как когда-то в Крыму, боролись две партии. Одна из них «русская», другая по основному двору влияния называлась «прусской». В 1792 г. произошел второй раздел. Противники польской конституции 3-го мая 1791 г. составили Торговицкую конфедерацию, подкрепив вступление русских войск на территорию Польши официальным призывом. Пруссия, не желая уступать, также ввела свои войска, но не для защиты польских реформ, как она обещала варшавским сторонникам, а для отторжения Познани и приграничных с Силезией земель. Россия получила Волынь, Подолию и часть Литвы. «Вы меня не поздравляете с колыбелькой русскою, — писала в августе 1793 г. Екатерина графу И. Г. Чернышеву, — то есть с присоединением к империи трех прекрасных и многолюдных губерний?»³⁰

Однако второй раздел Польши не поставил точку в судьбе старого противника, а лишь привел в движение те общественные силы, которые по выражению Екатерины, развернули «истинно якобинское знамя бунта»

Тадеуша Костюшко. В России считали главным — отторжение от Речи Посполитой всех земель, не входящих в Коронную Польшу и населенных не польским и не католическим населением. Однако пока этого не произошло.

Костюшко обещал своим сторонникам, что Суворов, слишком занятый на юге России, не сможет прибыть в Польшу. Этого одного было достаточно, чтобы их ободрить. Однако полководец оказался направлен на подавление мятежа.

После того, как войска под командованием Суворова заняли Варшаву и взяли в плен Костюшко, в начале 1795 г. между Австрией и Россией состоялось соглашение об условиях третьего раздела, а в октябре того же года был подписан договор с Пруссией. По третьему разделу Россия получила остаток Литвы, территорию между Неманом и верхним течением Буга, а также Курляндию. Австрии достались воеводства Краковское, Сандомирское и Люблинское. Пруссии — остальная часть Польши.

Екатерина отклонила предложение принять титул польской королевы, заявив, что не притронулась ни к одной пяди коронных польских земель³¹. Присоединенные к России части Польши некогда, как писала императрица, составляли с ней одно целое и даже были «колыбелькой» для русских.

Появилось множество европейских, в первую очередь английских карикатур, которые изображали Суворова едва ли не людоедом, предлагавшим Екатерине польские головы. Правда ли это? Взятие предместья Варшавы — Праги — действительно изобиловало кровавыми эксцессами. Но перед этим в городе прошел русский погром. Офицеры не останавливали войска. Мечь или стратегия? Три дня длилось уничтожение предместья, а защитники столицы Польши смотрели со стен, какая участь ждет город, если произойдет штурм. Наконец, ворота открылись. Город сдался. Мирные жители столицы не пострадали, но шок от судьбы Праги остался в польской культуре на века.

Вряд ли Екатерина и ее сподвижники могли предвидеть столь драматичное развитие событий. Они отвечали на вызовы своего времени и

сумели выйти победителями из противостояния. Суворов же и тут оказался у развязывания судьбоносного узла истории нашей страны — на конце шпаги он возвращал ей давно потерянные земли, чтобы срастить заново расчлененное много веков назад тело. Восстание Костюшко имело яacobинские корни — форма экспорта революции из Франции в дремучие Восточно-Европейские земли. Революция — выплеск inferнальных сил в человеческий мир. Спасение от нее ряда территорий, которые вошли в Российскую империю по разделам, для Суворова было спасением обычного человеческого бытия от чего-то злого, inferнального, кровавого, бесноватого. В иные времена юродивые собирают милостыню у храмов, в иные — ведут за собой войска. Такова судьба Суворова.

---

¹ Суворов А. В. Документы. М., 1949 — 1953. Т. 2. С. 342.

² АВПР. Ф. 5. № 585. Л. 317 — 319.

³ РГАДА. Ф. 5. № 85. Ч. I. Л. 546 — 547.

⁴ АВПР. Ф. 5. № 585. Л. 188 — 189 об.

⁵ РГАДА. Ф. 5. № 85. Ч. I. Л. 553 об.

⁶ Русская Старина. 1875. № 5. С. 23.

⁷ Там же. С. 120.

⁸ СОРЯС. 1884. Т. 33. С. 6.

⁹ Лопатин В. С. Потемкин и Суворов. М., 1992. С. 161 — 162.

¹⁰ РГВИА. Ф. 52. Оп. 2. № 13. Л. 122.

¹¹ Храповицкий А. В. Дневники. СПб., 1891. С. 203.

¹² АВПР. Ф. 5. № 585. Л. 132 — 133.

¹³ РГВИА. Ф. 52. Оп. 2. № 14. Л. 41 — 42.

¹⁴ Там же. Л. 130.

¹⁵ РГАДА. Ф. 5. № 43. Л. 28.

¹⁶ РГВИА. Ф. 52. Оп. 2. № 17. Л. 85 — 86.

¹⁷ Суворов А. В. Письма. М., 1987. С. 608.

¹⁸ Лопатин В. С. Потемкин и Суворов. М., 1992. С. 186.

¹⁹ Там же. С. 195 — 196.

²⁰ РГАДА. Ф. 5. № 43. Л. 47.

²¹ Суворов А. В. Указ. соч. С. 302.

²² Суворов А. В. Указ. соч. С. 245 — 246.

²³ Лопатин В. С. Суворов в своих письмах // Суворов А. В. Письма. М., 1987. С. 642.

²⁴ Глеб-Кошанская Т. Н. Указ. соч. С. 21 — 22.

²⁵ Суворов А. В. Указ. соч. С. 277.

²⁶ Harris J. Diaries and Correspondence James Harris First Earl of Malmesbury. London, 1844. V.2. P.19.

²⁷ Брикнер А. Г. Указ. соч. С. 776.

²⁸ Сб. РИО. 1878. Т. 23. С. 555.

²⁹ Григорович Н. Указ. соч. С. 349 — 354.

³⁰ Письма и бумаги императрицы Екатерины II. СПб., 1873. С. 95.

³¹ Брикнер А. Г. История Екатерины Второй. СПб., 1885. Т. II. С. 514.

Статья подготовлена для сборника «Защитники русской государственности в портретах и событиях», изданной НБФ «Наследие» в рамках проекта «Анатомия российской смуты. История и

современность» на средства гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов.